

Запруда Динкера

Ричард Лаймон

... Я сам надел петлю на его кривую шею. Мы поставили Клема на краю обрыва под деревом. Мы решили, что толкнем его, а он повиснет над берегом и задохнется. Но до сих пор нам еще никого не приходилось вешать. Наша ошибка была в том, что нам следовало бы натянуть веревку между шеей Клема и веткой. А вышло так, что она чересчур растянулась. И когда мы его столкнули, он не столько повис, сколько упал. И голова у него оторвалась. Так вот, тело Клема мы отволокли в лес и закопали. Но только тело, без головы. Она у него была круглая, скатилась вниз и упала в воду...

Оглавление

	4
***	12
***	17
***	30

Эту байку мне рассказал один старатель. А я просто помалкивала, да слушала.

Сразу скажу, она ко мне никакого отношения не имела. Она была пассией Джима с головы до пят — и со всеми прелестями посередке.

— Джим, — сказал я ему, — не стоит брать ее с собой.

— Еще как стоит, — заявил он.

— Пользы от нее никакой не будет, одни только ссоры да неприятности.

— Зато она зашибись какая красивая, — возразил Джим.

Что ж, тут мне крыть было нечем, но дела это не меняло.

— Она хочет увязаться с нами из-за той жи-лы. Золото ей наше нужно, вот что. Слушай, да ведь ты ей даже не нравишься.

Глазки у Джима заблестели, и я прямо-таки увидел, как он припоминает прошлую ночь, когда он вволю попользовался прелестями Люси. Мы наткнулись на нее накануне днем, когда с важным видом выходили из пробирной конторы, и

это сразу заставило меня насторожиться. Я так думаю, она давно околачивалась поблизости и дожидалась, пока ей навстречу не выйдет парочка ухмыляющихся старателей.

И тут же подцепила Джима.

Джим у нас простак, потому она и начала клепаться к нему, а не ко мне. Сообразительности у него не больше, чем у лепешки ослиного дерьма, и это ясно читается у Джима на лице.

Может, вы подумали, что я зря качу на парня бочку, а все оттого, что меня завидки взяли, ведь выбрала она не меня. Но это не так. Джим не моложе меня. И одевается он ничуть не наряднее, и пахнет от него ничуть не лучше, так что я такой же симпатичный парень, как и он. К тому же мы с ним равноправные партнеры, о чем Люси не могла знать с самого начала.

Нет. Просто Джим — ходячий образец идиота, а у меня куда получше с мозгами и здравым смыслом.

Я не из тех, кого можно увести куда угодно, привязав веревочкой за... , но про Джима этого не скажешь, и Люси это сразу поняла.

И вот, не успел я и глазом моргнуть, как остался сидеть в одиночестве в салуне, а Джим заперся с ней в шикарном номере «Джеймстаун отеля», убедив себя в том, что по уши влюблен.

Тут пора вернуться к заблестевшим глазкам Джима. Блестеть они начали на следующее утро, когда мы доедали отбивную с яичницей.

— А сдается мне, что она меня еще как любит, — сказал он. Зато ты ей не очень-то приглянулся, Джордж.

— Что ж, веселенькая ситуация. Вспомни лучше, сколько лет мы с тобой ходим в партнерах.

Он наморщил лоб и стал вспоминать.

— Точно не скажу, но долго уже.

— Чертовски долго, и теперь ты собираешься подложить нам обоим свинью. Ничто не приносит столько неудач, как баба на прииске, и ты знаешь это не хуже меня. Вспомни лучше, что приключилось на прииске Керн с Биллом Плейснером и Майклом Мерфи.

Джим пораскинул мозгами и начал отыскивать ответ между зубьев своей вилки.

— Ну, тогда дай я тебе напомним. Так вот,

Билл и Майк были закадычные приятели, водой не разольешь. И дружили они больше лет, чем у тебя осталось зубов.

— А у меня еще много зубов осталось, — объявил Джим.

— Вот-вот, и я об этом же. Словом, много лет. Никто не дружил так крепко, как Боб и Майк...

— Ты вроде говорил, его Биллом звали.

— Его звали Роберт Уильям. Кто называл его Боб, кто Билл. Так вот, Боб и Майк жили, как братья, то самого того черного дня, когда у них на приiske появилась женщина. она тут же приклеилась к Майку, а к Бобу относилась так хреново, будто у того чесотка. Бедный Боб, бросили его холодного и одинокого. Но стал ли он жаловаться и качать права? Нет, сэр. Не такой он был парень, и все свои беды переносил молча. И помнишь, что случилось потом?

— А как девушку-то звали? — спросил Джим.

— Грета.

— Помню, ходила у нас в воскресную школу Грета Гарни. Рыжая. А та Грета, что связалась с Майком, тоже рыжая была?

— Да вроде нет.

— А разве ты ее не видел?

— Слушай, дай мне рассказать до конца, ладно? Ты способен вывести из себя даже приют для калек и слепых.

— Да я только...

— Да не твоя это была Грета. какая-то другая Грета. так вот, слушай, что я хочу тебе втолковать — едва она появилась на прииске, на головы бедных Билла и Майка обрушились несчастья и трагедии. мало того, что она с презрением отвергла Билла и превратила двух закадычных друзей в врагов. Нет, сэр. Это было само по себе плохо, но самое скверное ждало их впереди. Вышло так, что она смылась от своего мужа. Но никому об этом не сказала. Совсем наоборот, даже не заикнулась о том, что она замужем. А мужем у нее был Лем Джасперс, одноглазый ворюга из Фриско. И он начал ее разыскивать. И отыскал ее у Билла и Майка и убил всех троих.

— Убил?

— Он убивал их жестоко и медленно. Я рассказал бы тебе поподробнее, да не хочу портить

тебе завтрак. Скажу только, что приятного было мало. Он выжег Майку глаз горячей палкой за то, что он смотрел им на Грету. А потом отрезал Майку... охотничьим ножом и запихал его Грете между ног. «Ты так хотела его заиметь, — сказал он, — так получай».

Джим заметно побледнел.

— А когда они умерли, — продолжил я, — он содрал с Греты кожу. Ободрал ее, как кролика. Кожу с лица бросил в костер, а остальную задубил. Мало того, что он сделал себе мешочек для табака. Он выкроил себе из ее кожи пару новых мокасин, чтобы иметь удовольствие постоянно попирать ее ногами.

— Какая низость, — выдавил Джим.

— Но это еще не самая большая низость. Лем не успокоился, отомстив Грете и Майку. Он связал и бедного Билла и выпотрошил его, как форель. Представляешь, Билл был невинен, как младенец, он даже не прикоснулся к Грете, но Лем все равно его зверски убил.

— Зря он это сделал.

— Зря или не зря, но Билл умер ужасной

смертью, и все из-за того, что его приятель его предал и связался с бабой. Я ведь тебе уже говорил, что баба на приiske — самое большое несчастье.

— А что с Лемом было дальше?

— Да откуда же мне знать? Вполне могло случиться и так, что ему надоело быть вдовцом, и он окрутил твою Люси.

Джим надолго задумался, одной рукой ковыряя вилкой в тарелке, а пальцем другой подбирая с нее остатки яичного желтка. Кончив облизывать палец, он поднял на меня глаза. Я увидел, что он благодарен мне за предупреждение. Но сказал он вот что:

— Будем держаться начеку. И если этот Лем объявится, мы с тобой его пристрелим.

Знаете, то количество воздуха, которое человек может потратить за свою жизнь, как-никак не беспредельно. Я понял, что только что извел массу воздуха, и все зря. С тем же успехом я мог все это рассказать ослиной заднице.

В то же утро, но позднее, когда перед тем, как мы все втроем собирались отправиться, Джим

отвел меня в сторонку.

— Я поговорил с Люси, — прошептал он. — Она не знает Лема Джаспера, но однажды встречалась с Джаспером Уиггенсом. И говорит, что никогда не была за ним замужем.

Я рассчитывал, что Люси начнет относиться ко мне потеплее, едва узнает меня получше. ей предоставилась такая возможность по дороге на прииск, но мои надежды не оправдались.

Она продолжала смотреть на меня таким взглядом, словно у меня из носа постоянно свисала какая-то дрянь.

На дорогу у нас ушло больше времени, чем следовало. Довольно-таки часто они оставляли меня на тропе, чтобы я смог составить мулам компанию, и Люси увлакивала Джима в кусты. По большей части она делала это, чтобы меня помучить, и каждый второй раз возвращалась полурасстегнутая, чтобы дать мне взглянуть на те места, к которым мне не суждено было при-

коснуться.

Ни одна из женщин, что встречались мне в жизни, не вела себя так жестоко и хладнокровно.

И все же я пытался оставаться с ней в хороших отношениях. Мне хотелось добраться хотя бы до ее наружных красот, если ничто больше мне не светило. И кто знает, вдруг мне повезет и побольше?

Что что бы я ни проделывал, она меня отвергала.

Она с презрением относилась даже к моим байкам. Джиму столь же нравилось их слушать, как мне — рассказывать. В первый же вечер, когда я рассказал свою коронную историю о скво с двухговым младенцем, она просидела у костра вздыхая и закатывая глаза. А история была такая. Одна из голов любила сосать молоко из одной груди, а другая столь же страстно рвалась к другой. Беда была в том, что каждая голова хотела сосать из соседней груди, так что бедной скво приходилось во время кормежки держать младенца вверх ногами. Тогда маленький уродец сосал в свое удовольствие. И кончилось все тем,

что он так привык находиться вверх ногами, что так и не научился ими пользоваться. он ходил на руках, болтая ногами в воздухе, и в один прекрасный день утонул, переходя вброд ручей, где глубина была чуть выше пояса.

Так вот, Джим едва не помер со смеха, когда я рассказывал эту байку, а Люси вела себя так, словно желала мне или помереть, или заткнуться.

Не успел я начать новую историю, как она мне сказала:

— Джордж Сойер, вы настолько же грубы, насколько долог день. Я предпочту, чтобы меня укусила змея, чем выслушаю еще одно ваше отвратительное вранье.

— Но почему, он же правду рассказал, — заступился за меня Джим.

Она посмотрела на него. Глазки у нее были симпатичные и поблескивали в свете костра, но тепла в них было ни капли.

— Если ты веришь, что все это правда, дорогой мой Джимми, то значит у тебя в голове вместо мозгов опилки.

Дорогой мой Джимми посмотрел на меня и нахмурился, пытаюсь собраться с мыслями.

— Так ты все наврал?

— Еще ни одно слово лжи не срывалось с моих губ. Да я сам видел, как парнишка утонул. Обе головы у него были в ручье, а ноги дергались, как у висельника.

Джим повернулся к Люси, приподнял брови и сказал:

— Поняла?

— Все, что я поняла, — огрызнулась она, — так это то, что один из вас брехливый дурак, а второй — идиот. И я начала задумываться, зачем я вообще с вами связалась, Джеймс Биксби.

Весь дух из Джима вышел, словно воздух из проколотого воздушного шарика. Ужасное было зрелище. Он съежился возле меня и молчал, а Люси отошла от костра и закуталась в свои одеяла.

Я попытался его развеселить.

— Не хочешь послушать историю о том, как я провалился в зыбучие пески, и...

— Не могло этого быть, — пробормотал он и

посмотрел на меня так, словно застукал с пятым тузом в руках. — Провались ты в зыбучие пески, Джордж, ты бы сейчас был покойником.

— Да, *мог* быть покойником, не окажись у меня под ногами такой кучи скелетов, что я приспособил их вместо лестницы, и...

По его глазам я понял, что он снова начинает мне верить, а сомнения его понемногу растворяются. Но тут его неожиданно позвала Люси.

— Слушай, уйди от этого безбожного вранья. Немедленно. Я замерзаю. Шел бы лучше меня погрел.

Едва Джим это услышал, как тут же вскочил и умчался к ней.

Я остался один и стал прислушиваться к веселому потрескиванию костра, шороху ветра в деревьях и стонам и визгу Люси, очень похожим на звуки, которые издает свинья, когда в нее тыкают горячей кочергой.

Да и моя кочерга от таких звуков тоже раскалилась.

А Люси не была свиньей, хотя и кричала очень похоже.

Сидел я у костра и чувствовал себя так, словно стал тем двухголовым парнишкой. Одной моей голове казалось, что было бы весьма неплохо отодрать ее. А другая с тем же удовольствием пустила бы в нее пулю.

Но ни одна из моих голов так ни на что и не решилась.

После того первого вечера я больше не рассказывал никаких историй. Пару раз я предлагал что-нибудь рассказать, но Джим лишь печально покачивал головой, а Люси плевала в костер.

В конце концов мы добрались до нашего прииска неподалеку от Станислауса. К хижине мы подошли уже в темноте, и Люси тут же высказала все, что про нее думала. Я ненавязчиво посоветовал ей провести эту ночь под светом звезд, а она столь же ненавязчиво посоветовала мне заткнуть хлебало.

Потом добрую часть ночи она ворочалась и все жаловалась на то, как трудно дышать в

этой маленькой комнатке, как нуждается женщина хоть в какой-нибудь уединенности, и наверняка это последняя ночь, которую она проводит под одной крышей с Джорджем Сойером, лжецом, чьи привычки и характер настолько отвратительны, что они ничуть не лучше чумы или могильных червей.

Люси не только скрежетала зубами и горько жаловалась, что ей приходится прозябать в такой «лачуге», но к тому же отказала Джиму в своей благосклонности. "Моя скромность этого не позволяет, — заявила она, — когда *он* сопит у нас за спиной".

Я принял ее слова о скромности за шутку, но ни я, ни Джим не стали счастливее от ее решения, потому что оно прихлопнуло все мечтания каждого из нас. Еще по дороге я стал равнодушен к издаваемым ею звукам, и стал дожидаться того времени, когда мы окажемся в хижине вдвоем. Она была полностью права насчет тесного помещения. Если бы они с Джимом начали заниматься любовью, я наверняка бы услышал побольше, чем просто стоны и вскрики. Да

и увидел бы, скорее всего, побольше. По моим прикидкам, Люси это весьма бы устроило. Чем больше ей удавалось бы меня мучить, тем лучше бы она себя чувствовала.

Но, возможно, она решила, что я слишком разгорячусь и пожелаю к ним присоединиться.

Может, она была и права.

В любом случае, она не стала рисковать и предоставила Джиму провести эту ночь в одиночестве.

Пытаясь заснуть, я начал мысленно перечислять все то, что она успела сделать со мной и Джимом.

Она украла у меня лучшего друга. Они лишила меня и Джима удовольствия, которое мы получали от моих историй. И, наконец, начала утаивать свои прелести, лишив Джима причины, из-за которой он притащил ее сюда, а меня — удовольствия понаблюдать, как ее будут трахать.

Я уже говорил, что никогда не встречал более жестокой и хладнокровной женщины.

Поднявшись поутру, Джим прихватил топор и отправился в лес валить деревья, намереваясь

пристроить к хижине верандочку для своей леди. Я решил предоставить ему заниматься этим в одиночку. Сам я здесь для того, чтобы копать золото, а его леди может спать хоть в грязи, мне на нее начихать.

Я взял кайло, пришел в забой и принялся за работу, но чертова баба все не выходила у меня из головы. Я размышлял о ней и гадал, чем же она может заниматься, оставшись совсем одна. Весьма скоро я пришел к выводу, что сейчас самое время нанести ей визит. Раз уж Джим не сможет помешать делу, может, я смогу с ней договориться. Или, по крайней мере, высказать ей свое мнение.

И я отправился ее разыскивать. В хижине ее не оказалось, не было ее и возле реки. Я порыскал по окрестностям и довольно скоро на нее наткнулся.

Люси стояла на берегу запруды Динкера и снимала с себя одну тряпку за другой. Я юркнул за большое старое дерево и раскрыл глаза пошире. По дороге сюда мне довелось увидеть кое-что из ее выпуклостей, но теперь я увидел

ее во весь рост и перестал удивляться, почему Джим не смог не притащить ее сюда. От ее вида даже у покойника перехватило бы дыхание.

Я так увлекся подглядыванием, что она успела войти в пруд по колено. Тут я опомнился и выскочил из-за дерева.

— Эй! — заорал я. — Быстро вылезай оттуда!

Она подпрыгнула, словно я ткнул в нее палкой. Наверное, она позабыла о своей скромности, потому что повернулась ко мне и уперлась кулаками в бедра, даже не пытаясь прикрыться.

— Джордж Сойер! — заверещала она. — Сукин ты сын! Грязный, прогнивший, грубый, прокаженный сын проститутки, зарящийся на чужое!

— К твоему сведению, я никогда не зарился на чужое, — сообщил я и начал спускаться к ней по склону.

Она протянула ко мне руку и потрясла пальцем. затрясся при этом не только палец.

— Не подходи ближе! Катись отсюда! Ты, скотина, только попробуй спуститься вниз!

Я продолжал идти, и она начала пятиться, пока воде не дошла ей до пояса. К этому времени

она вспомнила о своей скромности и юркнула в воду, оставив над водой только голову.

— Будь я на твоём месте, я не стал бы этого делать, — сказал я. Потом уселся на торчащий на берегу пенек. Рядом со мной лежала куча ее одежды, но я даже не стал класть на нее ноги. — Послушай лучше, что я тебе расскажу, красотка, и вылезай из воды как можно скорее.

— Черта лысого ты этого дождешься!

— Если уж ты хотела вымыться, тебе надо было пойти к реке. Но только не входить в воду здесь.

— Куда хочу, туда и хожу. К тому же вода в реке такая холодная, что я превратилась бы там в ледышку.

— Знай, что ты сейчас в запруде Динкера, — сообщил я.

— Ну и что? Хорошая запруда. Вернее, *была* хорошая, пока ты сюда не приперся. Так что катись, откуда пришел.

— Когда-то здесь неплохо ловилась рыба, — отозвался я. — Но только до прошлого года. Спроси Джима, если мне не веришь. Но с тех

пор, как мы повесили Клема Динкера, вся рыба пропала.

Тут Люси прищурилась, и из воды показалась ее рука с булыжником. Потом она на секунду высунулась из воды и бросила камень. Должно быть, я отвлекся, заглядевшись на нее, потому что не успел уклониться. Камень угодил мне в плечо.

Я подпрыгнул и начал потирать ушибленное место.

— Только попробуй ко мне подойти! — крикнула Люси и выудила еще один камень.

— Только не я. Я не такой дурак, как некоторые.

— Выходит, я дура? — Она швырнула в меня камень, но я увернулся.

— Раз не хочешь выйти из воды, значит, дура и есть.

— Вот Джим вернется, он тебя пристрелит.

— Джим будет мне благодарен за то, что я случайно проходил мимо и предупредил тебя.

— Знаю я, зачем ты сюда пришел. — Тут она неожиданно перестала злобно сверкать на меня

глазами и даже улыбнулась. — Ты просто воды боишься, Джордж Сойер. Ха!

— Я боюсь *этой* воды. Ты бы тоже ее боялась, знай ты то, что знаю я.

— Ну да, еще бы. Я бы так напугалась, что тут же выскочила из воды и сказала тебе спасибо. Ах, Джордж, ты просто ничтожная личность. — Она легла на спину и поплыла, улыбаясь в небо, а тело ее соблазнительно просвечивалось из-под воды. — Таких ничтожностей, как ты, я еще не встречала.

— Знаешь, я уже почти решил уйти и предоставить тебя судьбе, — крикнул я.

Она приподняла голову, и тело ее опустилось в воду.

— Ты что-то сказал, бедняжка Джордж?

— Наверное, я сейчас уйду и брошу тебя здесь.

— Ты не можешь уйти, Джордж. — Должно быть, она нащупала дно, потому что немного приподнялась. Вода едва прикрывала ей плечи. Она была слишком мутной и не позволяла увидеть ничего стоящего, если не считать улыбки

Люси. Улыбка тоже была мутной и зловещей. — Знаешь, а ты меня еще ни капельки не испугал, — сказала она. — Думал, едва я услышу твои вопли, так сразу выскочу и брошусь в твои мужественные объятия?

Она думала, что я не могу ее так напугать, чтобы она выскочила из воды.

Я посчитал это за вызов.

Я снова уселся.

— Никогда не слыхала о парне по имени Клем Динкер?

— Увы, нет, Джордж. Расскажи мне про него.

— Клем был сумасшедший и жил в дупле дерева на том берегу реки. Он был такой тощий, словно никогда не ел. Но все было как раз наоборот. Клем был готов сожрать все, до чего мог дотянуться зубами. Когда дело доходило до жратвы, он становился самым терпеливым и подлым существом. Он залезал на свое дерево и сидел так тихо, что на него садились птицы. И как только это случалось, он их быстро хватал и отправлял прямо в рот. И схрупывал вместе с чириканьем, крылышками, клювами, глазками и всем

прочим. Мы всегда слышали его издалека, когда он выплевывал перышки.

Люси потрясла головой и закатила глаза.

— Знаешь, Джордж, у меня уже начинают мурашки по телу бегать. Если ты и дальше будешь меня так пугать, я скоро могу в обморок упасть.

— Хочешь падать — падай, дело твое. Скажи лучше, ты и дальше хочешь меня мучить, или слушать про Клема?

— Ах, извини. Продолжай, пожалуйста.

— Так вот, этот Клем жрал все подряд. Он не разбирал особо, и если уж запускал во что зубы, так откусывал и жевал. Я тебе говорил, что у него были заостренные зубы?

Люси рассмеялась.

— Да, мэм. Можете мне не верить, но Клем заточил себе все передние зубы, и они стали такими острыми, что он с трудом мог говорить, не поранив губы зубами. начнешь с парнем разговаривать, и не успеет он ответить, как на тебя уже капает кровь. Он делает вид, что ничего не замечает, а ты стоишь внизу, и на тебя кровь капает дождем. Этого вполне хватало, чтобы спутать те-

бе все мысли.

— Если бы у твоей мамочки хватило ума, — сказала Люси, — она придушила бы тебя еще в колыбельке.

— Я лишь рассказываю все так, как было. Я ничего не выдумываю. Однажды меня разморило после разговора с Клемом, и когда Джим наткнулся на меня спящим под деревом, я был так покрыт кровью, что он принял меня за покойника. Когда я проснулся, он успел уже наполовину выкопать мне могилу. Но это к делу не относится, — быстро вставил я, не давая Люси возможности перебить меня. — Так вот, Клем Динкер был психом и съедал все, во что мог вонзить свои заточенные зубы. И не только птиц. Однажды мы видели, как он доедал бобра. Был еще один охотник, так он клялся, что Клем добрался до его собаки. Он жрал белок, енотов, койотов, бабочек, пауков, слизней и червей.

Люси больше не улыбалась. Она смотрела на меня с ненавистью, а ее верхняя губа поползла вверх, обнажив десну. Я понял, что она вот-вот завопит, и у меня не будет возможности закон-

чить рассказ. Поэтому я быстро перешел к сути.

— В конце концов он съел одного из наших мулов. Мы застукали Клема как раз в тот момент, когда он жрал его потроха, засунув голову мулу в брюхо. И мы его повесили. — Я повернулся и показал наверх на то самое дерево, за которым прятался, когда Люси раздевалась. — Видишь вон ту ветку? Ту, что торчит в сторону? Вот на ней мы его и повесили.

— Да никого ты не повесил, — отозвалась Люси, но храбрости в ее тоне поубавилось. Мне показалось, что поджилки у нее уже трясутся.

— Я сам надел петлю на его кривую шею. Мы поставили Клема на краю обрыва под деревом. Мы решили, что толкнем его, а он повиснет над берегом и задохнется. Но до сих пор нам еще никого не приходилось вешать. Наша ошибка была в том, что нам следовало бы натянуть веревку между шеей Клема и веткой. А вышло так, что она чересчур растянулась. И когда мы его столкнули, он не столько повис, сколько упал. И голова у него оторвалась. Так вот, тело Клема мы отволокли в лес и закопали. Но только тело, без

головы. Она у него была круглая, скатилась вниз и упала в воду. Мы ее искали, но не нашли даже волоска. Вот с тех самых пор мы и зовем это место запрудой Динкера. Насколько нам известно, его голова до сих пор здесь.

Глаза у Люси немного выпучились.

— А после этого здесь начала исчезать рыба. И очень скоро ловить стало совсем нечего. Правда, клюет здесь довольно скоро. Да только поднимешь удочку, а наживки уже нет. Но рыба никогда не попадается. Извели мы с Джимом на этом месте ведро червей, да и поставили крест на рыбалке.

Тут Люси застыла и скосила глаза в воду. Потом быстро перевела взгляд на меня. Я увидел, как она рассердилась, потому что я заметил, как она посмотрела на воду. — В этой брехне нет ни слова правды, Джордж Сойер. И я не узнала ничего нового кроме того, что уже знала — что ты отвратительный подонок, недостойный человеческой цивилизации.

— Я не лжец, — возразил я.

Тут ее глаза снова забегали.

А потом они едва не выскочили из орбит. И Люси испустила такой вопль, что у меня волосы стали дыбом. Она заметалась из стороны в сторону. Вода вокруг нее забурлила и покраснела.

Мне даже на секунду захотелось броситься в воду и попытаться ее спасти. Это был бы героический поступок.

Байка, что рассказывал мне Джордж, закончилась одновременно с бутылкой виски, стоявшей между нами на столе салуна.

— И ты даже пальцем не шевельнул, чтобы ее спасти? — спросила я.

— Она в любом случае этого не стоила, — ответил Джордж.

— И теперь ты хочешь, чтобы я отправилась с тобой на прииск?

— Мне там стало чертовски одиноко. Честное слово. Я решил, что стоит рискнуть удачей ради такой красоты, как ты.

— Но ведь ты там вместе с Джимом, разве

нет?

— Понимаешь, когда он увидел, что случилось с Люси, то набросился на меня с топором. Я даже не успел ему ничего объяснить. он вбил себе в голову, что это я убил Люси, да потом еще и обглодал. И мне пришлось его застрелить.

— А может, ты все это и проделал, Джордж? Скажи?

— Знаешь, Марбл, прикуси свой язычок. Я не из таких. Да и ты, вроде, не похожа на ту заразу Люси. Эта девка была чистый яд. Такой яд, что на следующее утро я наткнулся в запруде на голову Динкера. Она плавала там лицом вверх, и губы у нее были совсем черные.

PDF Generation

Generated on *26 марта 2010 г.* by **fb2pdf** version 3.14

<http://www.fb2pdf.com/>